

СВЕТЛАНА ПОНОМАРЁВА
НИНА КИНЁВА

**Я никому
не скажу**

КомпасГид
издательский дом

young adult

Young Adult

Светлана Пономарева

Я никому не скажу

ИД "КомпасГид"

2023

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=411.2)6-44

Пономарева С.

Я никому не скажу / С. Пономарева — ИД "КомпасГид",
2023 — (Young Adult)

ISBN 978-5-907514-84-3

Катя учится в университете, получает одни «пятерки» и не дает родителям повода для беспокойства. Девушка одинока. Она не может забыть свою первую любовь – Андрея Громова. Он был самым красивым, добрым и популярным парнем в их школе, одинаково талантливым как в учебе, так и в спорте. Когда они снова случайно сталкиваются, Катя с ужасом осознает, что от прежнего Андрея ничего не осталось – теперь он постоянно язвит, устраивает драки и окончательно забил на учебу. Но что сделало его таким? Сможет ли Катя принять эти изменения, и попытаться помочь ему справиться с болью? Или их отношения изначально обречены? Светлана Пономарёва – автор книг для детей и подростков. Родилась и живет в Омске. В соавторстве с Николаем Пономарёвым является победителем и финалистом двух сезонов Международных конкурсов имени Сергея Михалкова на лучшее произведение для подростков. Нина Кинёва – родилась и живет в Улан-Удэ, по специальности педагог-психолог. Книга «Я никому не скажу» – первая в их совместном творчестве.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=411.2)6-44

ISBN 978-5-907514-84-3

© Пономарева С., 2023
© ИД "КомпасГид", 2023

Содержание

Он	7
Она	9
Он	11
Она	13
Он	15
Она	18
Он	20
Она	22
Он	24
Она	26
Он	28
Она	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Светлана Пономарёва, Нина Кинёва

Я никому не скажу

© Светлана Пономарёва, Нина Кинёва, текст, 2023

© ООО «Издательский дом «Тинбук», 2023

Он

Мама смотрела сквозь стекло кафешки на замерзшую ноябрьскую улицу. Так она занимала глаза. А чтобы занять руки, заказывала кофе. Знала, что он тут отвратительный, но все-таки заказывала. Размешивала его ложечкой, вертела чашку в пальцах. Потому что боялась. Я почти физически чувствовал, как она боится того, что я могу ей сказать. Первые минуты мама ждала этих слов. Мол, я бросаю университет и мы больше не увидимся. Потом расслаблялась, оставляла чашку в покое и переходила ко второй части нашего свидания. Вторая часть называлась «Давай обратимся к...». Фамилии тех, к кому надо обратиться, все время менялись, не менялась только суть: все они были психотерапевтами. Теперь мне тоже надо было занять руки – чтобы не перевернуть стол или не рассадить стулом окно, сто лет не мытое. Будет повод встать чистое стекло. Я сжал в одном кармане мячик-антистресс, в другом – ключ от квартиры.

– И Данька вернется? – зачем-то спросил я.

– Что?

Как она дожила до сорока с лишним лет такой наивной? Думает, стоит мне поговорить с кем-то умным, попить таблеток – и все, что в жизни гадко, вдруг порастет розовыми цветочками...

– Мы поедем с тобой к этому, как его... и Данька вернется?

– Андрей...

Пора было переходить к третьей части свидания. Мы оба знаем, что не договорились. Мама убедилась, что я живой, университет не бросил и не сильно изменился с прошлого месяца. Я убедился, что меня всё так же боятся и не слышат. Можно разбежаться до следующей встречи. Не знаю, зачем они вообще нужны.

– Мне пора.

Вот, собственно, и вся третья часть. Если не уйти сразу, начнется четвертая – уговоры. Уже не по поводу мифических исправителей жизни, а насчет мелочей: номер телефона, адрес. Маму страшно нервирует односторонняя связь. Но с меня хватит и того, что она знает, где я учусь, и может прийти в универ. Но – не приходит. Боится. И поэтому хочет знать, где я живу. Поэтому я ухожу. Всегда быстро, и всегда потом не могу отдышаться на улице, как будто не в кафе побывал, а в газовой камере.

Сегодня я пришел не один, Витек Водовозов ждал меня за углом, в своей машине. Он мне даже немного завидовал. Ему тоже снимали квартиру и давали денег, но что-то всегда требовали взамен – отличной учебы, например. Моя мама просто переводила деньги на счет и даже не знала, где я живу. Наверное, если бы я вылетел из университета, ничего бы не изменилось. И вообще, ей очень не повезло со мной. Вот если Водовоз вдруг свихнется или сдохнет, у его родителей еще двое запасных детей. Мои в этом смысле никак не защищены. Рожать надо было больше. Так что сами виноваты.

– В универ?

Я кивнул. Иногда мне хотелось послать Водовоза к чертовой матери и никогда больше не видеть, но, в конце концов, кроме него, у меня нет ни одного человека, кого можно было бы даже с натяжкой назвать словом «друг». Впрочем, ему я тоже никогда не скажу «друг», но... пусть будет.

Водовоз начал рассказывать о своем отце. Хотя его легко можно было описать тремя понятиями: лысина, геморрой и мерзкий характер. Дальше можно было не распространяться. Но Водовоз находил на что пожаловаться. Я заткнул уши наушниками и отвернулся. Пусть излагает проблемы своей семейки хоть до седьмого колена...

В библиотеке я заснул. Ткнулся лбом в учебник и отрубился. В принципе, сам виноват: погряз в долгах, обвешался предупреждениями от преподавов, и на горизонте замаячило отчис-

ление. С этой точки можно было двигаться в двух направлениях – катиться дальше вниз или выбираться. Первый путь был гораздо заманчивей. Плунуть на все. Но я зачем-то решил еще подергаться. Наверное, по инерции, все же когда-то, в прошлой жизни, я хорошо учился. Даже в универ поступил на бюджет. А мозги быстро не израсходуешь... Познают мир на автопилоте. Но сегодня познания не получилось – то ли учебник попался слишком нудный, то ли день оказался пасмурный, то ли свидание с мамой перенапрягло. Водовоз к таким фокусам привык, поэтому трогать меня не стал и незаметно испарился. Во всяком случае, когда я очухался, его уже не было.

Я сдал учебники и вышел на улицу – было по-прежнему пасмурно, мрачно и уныло. Распутывая провод от наушников, я приблизился к проезжей части и увидел, как девчонка, которая шла по краю тротуара, споткнулась и выронила что-то. Какие-то книжки. Пытаясь их в последний момент удержать, она неловко взмахнула руками, и одна из книг отлетела на дорогу. И девчонка очень внимательно посмотрела ей вслед. Не знаю, почему я решил, что она сейчас бросится ее поднимать, не знаю, как понял, что красная машина мчится ей навстречу и очень близко к тротуару. И не в курсе, как мозг просчитал их траектории и понял, что у этой книжки они и пересекутся. Я просто рванул к девчонке и ухватил ее за шиворот как раз в тот момент, когда она действительно нырнула к проезжей части за своим имуществом, а заодно, вероятней всего, и за приличным сроком на больничной койке.

– Учебник, библиотечный, – пискнула девчонка.

Колеса машины пронеслись в сантиметре от учебника.

– Дура, – сказал я.

Она все-таки подняла эту библиотечную собственность, отряхнула и посмотрела на меня. Сначала мельком, а потом сосредоточившись и каким-то совершенно диким взглядом. Может, дошло, что чуть не сыграла в ящик?

– Можешь не благодарить.

Лицо у нее было знакомое. Наверное, видел раньше в университете. Первокурсница, скорее всего, – косички торчат из-под шапки, ходить не умеет, руки-крюки книжки не держат. Никчемное существо... Между прочим, спасибо так и не сказала.

Дома выдохнул облегченно – еще один день позади. Почитаю что-нибудь к завтрашним семинарам, может, поиграю в интернете, пристрелю десяток уродцев, и спать. Плохо только, что вырубился в библиотеке. Теперь уже как повезет – может и не получится заснуть.

Не думал, что буду завидовать людям, способным спать без сновидений. А ведь такие бывают. Лягут – и до утра. И сами не понимают, насколько это ценно, полагают, что так и должно быть. Наверное, это элементарная логика жизни. Какое-то событие показывает, как несущественно то, что считаешь важным, и как важны мелочи, которых прежде не замечал. Я тоже раньше считал значимой всякую ерунду...

Почему-то вспомнилась та девчонка у дороги. Считает сверхценностью учебник. Ненормальная.

Она

Придя домой, я сразу отправилась в свою комнату, вытряхнула содержимое одного из ящиков письменного стола и начала искать фотографию. Уже несколько месяцев не доставала. Даже решила, что отпускает... Снимок, если честно, был краденым. В школе хранился огромный альбом, куда клеивали фото каждого выпускного класса чуть ли не со времен Ледового побоища. Когда выпускался он, оформить страницу их класса поручили мне. Из нескольких кадров я выбрала подходящий, чтобы вклеить, а еще один положила в сумку. Не то чтобы у меня была неудержимая тяга присваивать чужие вещи, скорее наоборот. Я даже лишнюю сдачу в магазине возвращаю. Но тут не удержалась. Тем более что были все шансы, что его я больше не увижу. Нет, есть, конечно, фотки в соцсетях, но бумажная – совсем другое дело!

Идиотка. Все-таки я круглая идиотка. Уникально круглая.

Даже вспоминать тот выпускной было страшно. Одиннадцатые классы ушли во взрослую жизнь, а я ушла рыдать в подушку, да так, что пришлось переворачивать ее среди ночи, потому что спать в сырости было противно.

И вот теперь, когда я только начала успокаиваться, он попался мне на улице. Просто на улице около университета. Я знала, что они с Данькой Калинниковым будут поступать именно туда, но, когда стала учиться здесь сама, ни разу с ним так и не столкнулась. А его странички в соцсетях в какой-то момент пропали. И я думала: не прошел по конкурсу, перевелся, отчислили, начал новую жизнь, а в интернете спрятался под другим ником, да мало ли что в жизни бывает. А он все-таки учится там же? И я его не встречала? Не может быть...

Я снова уставилась на фото. Что, Катенька, сидишь, смотришь, даже имя его произнести боишься?

Ничего я не боюсь. Просто это как-то странно, а может, даже несправедливо и мне совсем не нужно. Я это все уже переросла и пережила. Хватит мне школы, где я подглядывала за ним из-за угла и таскалась за их классом на все подряд мероприятия. Весь девятый класс. Разумеется, он меня даже не замечал. Не мог рассмотреть из-за толпы других девчонок, вечно ошивающихся вокруг. И вообще у него зрение так себе...

Я решительно сунула фотографию обратно в стол. Нет, всего этого быть не могло. Мне просто показалось. Два года не видела, и вдруг именно Андрей вытаскивает меня из-под колес. Кажется, я перезанималась. Не зря мама говорила: недосып сведет тебя сума. Свершилось, свел. Надо лечь и выспаться. А утром... пожалуй, посмотреть списки групп. Убедиться, что Громова там нет и быть не может.

Нужно ли говорить, что с утра я не пошла смотреть никакие списки, потому что мне не нравились оба варианта. Если Громова в университете нет, то у меня серьезные проблемы с головой, если есть – тоже проблемы. Будут. И я малодушно решила положиться на судьбу.

За три дня никто даже отдаленно напоминающий мою первую и единственную любовь на глаза мне не попался, и я начала расслабляться. В пятницу пошла в библиотеку взять справочники на выходные. Нагружали нас сильно, первой сессией запугивали, а читать с экрана компьютера я уставала, все-таки бумажная книга привычнее. В этом вопросе я среди однокурсников белая ворона, все предпочитают мониторы.

Один из справочников давали только в читальный зал, и я решила задержаться. Там и увидела Андрея. Несомненно, это была не галлюцинация. В нескольких метрах от меня сидели два парня, один из них – тот самый Громов. Я открыла книгу, но смотрела, естественно, не на страницы.

Андрей с тем, вторым, маялись дурью, что-то набирали на телефонах, потом менялись ими, читая и смеясь. Пользуясь тем, что Андрей на меня точно не взглянет, я тихо его рассматривала. Он изменился. И не потому, что стал старше. А почему – я пока не понимала. Вроде

все как было: высокий спортивный парень с умопомрачительными карими глазами, которые даже очки не портят. Слегка лохматый, как все молодые люди, не слишком озабоченные своим видом в зеркале... Край рукава полосатого свитера испачкан шариковой ручкой. Я и в школе такое замечала – видимо, задумываясь, он вертел этой ручкой как попало. Но все же какой-то не такой он теперь был... И, кстати, дурой на улице обозвал. Тоже на него не похоже. Девчонки в школе его обожали как раз за ненормально трогательное отношение к женскому полу. Другие парни и матом загибали, и шутки отпускали сомнительные, а он – никогда. То есть выражался, конечно, и даже дрался. Но в своей компании, а девчонок не оскорблял. Меня это порой бесило, я искала в нем недостатки и найти не могла.

Подошли мои одноклассницы, закрыли от меня Андрея, и, пока мы разговаривали, он исчез.

Я стала ходить в библиотеку каждый день, даже без повода. Докатилась уже до того, что читала там какой-то глупый детектив. Мне нужно было увидеть Громова. Зачем – я сама не знала. Вообще-то хотелось его забыть. Но увидеть снова хотелось еще больше.

Повезло мне под конец следующей недели. Я пришла в читальный зал. Андрей уже сидел там. Подпирал щеку ладонью и смотрел куда-то перед собой. Перед ним лежали высокая стопка книг и закрытая тетрадь. Виду него был абсолютно отсутствующий. И что мне теперь делать? Поздороваться? С какой стати – наверняка он меня даже не помнит. Подойти и сказать: «Спасибо, что вытащил из-под машины?» Очень своевременно.

Пока я так размышляла, Андрей качнулся и чуть не свалился на свои книжки.

О том, что он вполне мог не выспаться ночью, я подумала уже потом, когда подошла, подергала его за плечо и задала глупый вопрос:

– Тебе что, плохо?

Он открыл глаза, посмотрел на меня, встал и сообщил:

– До тебя было хорошо.

– Ну извини...

Он не уходил, стоял и смотрел. Тогда я продолжила нести глупости:

– Я... спасибо хотела сказать. Ты тогда сразу...

– Как тебя зовут? – перебил он меня.

– Катя.

– Ну да, я так и думал.

Собрал свои учебники и направился к выходу. А я осталась одна и только сейчас почувствовала, что краснею. Наверное, от злости. Что значит «я так и думал»?

Он

Разумеется, ее звали Катя. Иначе и быть не могло. Потому что глаза круглые. Любой с детского сада знает: кукла с круглыми глазами – это Катя. Тупенько, но симпатично. Неважно, что прочла в жизни три книжки – букварь, синюю и третью, зато глаза! Тут я себя одернул: все-таки в библиотеку ходит, и не в сельскую, а в универе, значит, могла прочитать даже пять книг, а то и вообще десять. Ей бы какую-нибудь по психологии прочесть, где черным по белому написано: не лезь к спящему человеку. Но нельзя требовать от людей невозможного.

Вечером ко мне домой приволокся Водовоз. С порога занудил:

– Ты в своем свинарнике убираться не пробовал? Хотя бы иногда.

– Закрой рот или стартуй отсюда, – предложил я ему на выбор.

Разумеется, он никуда не делся, а деловито расчистил себе место на диване и принялся рассказывать, как звал Ирку за город, но она отказалась.

– Кончай за ней бегать, у тебя ничего не получится.

– Откуда ты знаешь...

– Водовозов, зачем тебе это? Хочешь, я тебе сейчас девку найду, а завтра утром пошлешь ее подальше с чистой совестью?

– О боже, – закатил глаза Витенька, – о чем говорить с человеком, который любовь видел только в кино?

– Это ты зря. Я такие фильмы не смотрю.

Нет, когда-то я, разумеется, верил в любовь. Как чуть раньше – в Деда Мороза, Бабу-ягу и еще кучу всякой чепухи. Верил, ждал и думал, что у меня-то уж точно будет. Любовь, не Баба-яга. Только не случилось. А глядя на Водовозова, можно сказать, что и повезло. Уж больно он мучился.

– Громов, давай нажремся? – предложил Водовоз.

Предложение было неожиданное – все-таки Витек предпочитал выпивать в более культурной компании, но, видимо, сегодня Ирка окончательно расшатала его психику.

– Давай, – согласился я. – Только у меня нечего. Дай денег – схожу куплю.

– Сходим, – поправил меня Водовоз, – знаю я тебя, купишь какую-нибудь дрянь.

– Жрут именно дрянь, – просветил я его. – Решил нажраться – нажирайся.

Но он все равно потащился со мной. На улице было мерзко – начался дождь, смешанный со снегом. Валилось все это с неба, мокрое и противное, хлюпало под ногами. В магазине у самого дома мне алкоголь не продавали. Да, вот так вышло, всем продавали, а мне нет. И Водовозу теперь тоже – нет. Видели его со мной. Хотя я их вполне понимал. Но из-за этого сейчас пришлось идти к остановке.

Водовоз зашел в магазин, а я ждал его на крыльце. Ждал долго, потому что Витек что попало не ел. На часть продуктов у него была аллергия, а часть он считал едой ниже своего достоинства. Поэтому копался он там сто лет, за это время у меня успели промокнуть кроссовки и уши замерзли, несмотря на то что я предусмотрительно напялил капюшон. Ненавижу осень. Когда мы отходили в сторону двора, мне показалось, что вижу кого-то знакомого. Краем глаза. Внимания обращать не стал – хотелось уже вернуться в тепло.

Во дворе выяснилось, что я не ошибся, – меня громко окликнули. Я повернулся.

– Ты долго будешь еще телиться, студент?

«Эти» были втроем. Одного из них я знал – он тоже тогда играл с нами. А потом еще несколько раз спрашивал про долг. Хотя я ему ясно сказал, что верну, но не сразу, а частями. Не было у меня сразу таких денег. Двое других были мне незнакомы.

– Я же сказал, как смогу – отдам.

– Студенты нынче пошли, – презрительно процедил один из незнакомых, – бедные. И тупые. Не понимают, что долги обрастают процентами.

Водовоз стоял у меня за спиной, и я прикинул, что, если они вдруг полезут драться, мы вполне справимся.

– Ладно, отличник, давай свой пакет за проценты.

Пакет был у Водовоза, и, чтобы он не успел прогнуться и отдать наше добро, я сразу послал всех троих, с максимальной точностью указав адрес. Идите, мол, и вернитесь с улыбкой и магнитиками. А лучше оставайтесь там. После этого мне ожидаемо сказали о моей борзости и ожидаемо дали в морду. Ну, в общем, первые начали, а я в таких ситуациях за себя не отвечаю. Непонятно только, почему они все втроем кинулись на меня. Водовозов их не заинтересовал, что ли? Я с большим удовольствием треснул одному в челюсть, а другого пнул так, что у него хрустнуло колено. А не надо пытаться отобрать у людей то, что они купили себе.

Потом перед моим носом что-то блеснуло. Не будь во дворе фонаря, я бы и не увидел этот нож. Но я заметил и схватился за лезвие. Всегда лучше порезать руки, чем дожидаться, пока лезвие окажется у тебя в животе. Боль была такая, что потемнело в глазах и затошнило. Но нож я выдернул и уже с ним в руке свалился в грязь. Кто-то рядом дурным голосом заорал:

– Пожар! Помогите! Пожар!

Я вскочил. Где пожар? Какой?

Парни тут же разбежались, а я увидел, как из-за дерева выходит эта самая кукла Катя.

– Где... пожар?

– Меня папа так орать научил, – доложила Катя, – если кричать «убивают», никто не высунется. А так...

Я огляделся. Водовоза не было.

– А твой друг сразу убежал.

Что ж, от Витька можно было ожидать. Я прижал порезанную руку к животу, меня трясло. Не то от боли, не то от воплей этой дуры. Надо было прогнать ее, но мне пришла в голову другая идея:

– У тебя деньги есть?

Она поспешно закивала:

– Есть, и аптека на остановке. У тебя кровь. Давай я схожу за йодом. Надо руку обработать.

– Вон видишь магазин? Купи бутылку водки.

– Зачем? – удивилась Катя.

– Ты что, думаешь, тебе чистый спирт продадут в аптеке? Ненавижу йод.

– А, да, я понимаю. Да, я сейчас.

Я доковылял до лавочки у магазина, думал, придется ждать, но Катя вернулась почти мгновенно. Я открыл бутылку, плеснул на ладонь. Порез был глубокий, и зашипало так, что я чуть сознание не потерял. Пожалуй, надо было использовать водку не для дезинфекции, а для анестезии. Я сделал несколько глотков. Глаза Кати из круглых стали квадратными.

– Один – один, – сказал я, – я тебя спас, ты меня спасла. Можешь проваливать.

Она повернулась, чтобы уйти.

– Стой. Твой папа – кретин. Никогда не кричи «пожар», ты понятия не имеешь, что это такое. Теперь иди.

Она

Спотыкаясь и наступая в лужи, я ругалась про себя так, как папа обычно ругается во время футбольных матчей. Только папа все эти слова произносил во множественном числе, а я – в единственном. Одному только человеку адресованные. Себе. Ведь сегодня днем, в библиотеке, Андрей ясно дал понять, что знакомиться и общаться со мной не собирается. Я позлилась-позлилась, потом сходила к подружке Наташке в общагу, выпила с ней чаю и так не вовремя подобрела. Поэтому, когда увидела на остановке Андрея и его друга, пошла за ними. Даже не так. Не я пошла – ноги понесли. Сознание свое за лето я от Громова очистила, а вот подсознание... Я и двинулась следом. Если бы кто-то остановил и спросил зачем – не ответила бы. Где он живет, я знала со школы, и это был совсем другой район. Поговорить? Уже всё обсудили. Посмотреть на него? В темноте со спины глядеть на куртку с капюшоном? Нет, я, конечно, не в себе, но не до такой же степени... Тем не менее я шла непонятно куда, непонятно с какой целью, по мокрому снегу, а вокруг стремительно темнело. С точки зрения безопасности поступок – на уровне поездки в лифте с подозрительными типами. Подозрительные типы и нашлись, не по мою душу, так по его. Между прочим, если бы я не заорала, его могли убить. А вместо «спасибо, Катя» или хоть какого-то разговора он меня просто послал. Сейчас я должна была его ненавидеть. А ненавидела себя. За то, что ушла. Мало ли что он там сказал. Крови-то было...

Пока доехала до дома, окончательно утвердилась в мысли, что ушла зря, поступила ничуть не лучше, чем этот его друг. Сразу в сторону и бежать. Зачем он с ним вообще ходит? С Данькой поссорились? Или тот в другой университет поступил? Данька не убежал бы.

Отогревшись в ванной и притащив в свою комнату чай и пирожки, я снова достала ту фотографию. Как будто, если на нее чуть дольше посмотреть, она скажет мне человеческим голосом, почему Андрей Громов, который никогда слова плохого девчонкам не говорил, за день нахамил мне два раза, совершенно не затрудняясь пил водку из горлышка и вообще не удивился, что на него во дворе накинулись с ножом. Не может человек так измениться за два года. Так не бывает.

Фотография, естественно, молчала, пришлось убрать ее подальше.

На кухне допекалась последняя партия пирожков.

– Мам, а если порезаться и промыть водкой, этого хватит? Чтобы не было заражения крови, например?

– Катя, ты порезалась? В каком месте? Покажи!

– Да не я, это так, в универе.

– А то я уже испугалась...

Да, мам, конечно, если с Катей все в порядке, можно и не пугаться. Хотя все ли с ней в порядке? Теперь я не была в этом уверена. Но, думаю, маму хватил бы удар, узнай она, что нормальность дочери закончилась ориентировочно в начале девятого класса, когда та додумалась влюбиться в самого красивого парня в школе. Наверное, потому что родители мне всегда твердили, что я самая лучшая и могу все. Вот я и поверила, и нет чтобы подобрать объект попроще... У Катеньки мания величия. Катенька на меньшее не согласна... И все-таки что же должно произойти, чтобы человек стал таким неузнаваемым? Все меняются, да. Я тоже изменилась, особенно за это лето. Но не так же сильно...

В следующий раз я увидела Андрея через неделю. И снова в библиотеке. Пришла готовиться к сессии и даже, между прочим, уже перестала думать о том, почему Громов мне тогда нахамил. Ну... почти перестала.

Наверное, он чувствовал, когда я начинаю его забывать и расслабляться. И появлялся всегда мне назло. Ничем другим такие совпадения объяснить было нельзя.

Я напряглась. Совсем не собиралась с ним заговаривать – двух прошлых бесед мне хватило. Но он подошел сам, сел рядом, положил на стол свои учебники, нашел на телефоне какую-то музыку, заткнул уши наушниками... Я осторожно посмотрела на его руку. Конечно, порезы были еще заметны. Мог бы и поздороваться. Но он не поздоровался, и я промолчала.

Теперь мне оставалось либо плюнуть на то, что я сижу рядом с ним, и заниматься, либо плюнуть на занятия и сосредоточиться на ощущениях. Будь я романтической дурочкой, точно пошла бы по второму пути. Но я же Катя-которая-все-может! Жалко, у меня нет наушников, я их потеряла. С ними было бы легче делать вид, что мне все по барабану.

Мы просидели так, наверное, целый час, уткнувшись каждый в свою тетрадь. Не могу сказать, что я очень хорошо соображала. Все-таки его соседство не пошло мне на пользу. Напишу несколько предложений – и забываю, что написала.

Наконец я должна была признать, что организм в целом у меня сильнее голоса разума. Гормоны и все такое... По крайней мере пока. И я решила подкормить этот организм бутербродами. Живот уже сводило от смеси голода, волнения и все-таки злости – как Андрей может сидеть рядом со мной, как с неодушевленным предметом.

Бутерброды у меня с собой были вкусные, с колбасой. Наверное, в другое время я бы постеснялась шуршать пакетом и жевать при объекте своей страсти. Но он, между прочим, при мне водку пил и не стеснялся. Я решительно достала бутерброд, откусила и тут услышала:

– Жрать над библиотечным учебником... До чего докатились первокурсники...

– Завидно? – спросила я. – Завидуй молча.

И стала ждать, когда он мне снова нахамит. Теперь хоть есть за что. Но он вдруг процитировал мультик времен детства моих родителей:

– Неправильно ты, дядя Федор, бутерброд ешь...

– А что, неужели надо колбасой на язык?

Я повернулась и увидела, что он вытащил один наушник и теперь внимательно на меня смотрит. Кажется, совсем не собираясь со мной ссориться. Или заинтересовавшись, откуда и в моем культурном коде такое ретро...

– Да, так вкуснее получится.

И тут меня проняло. Пробыло морозом по позвоночнику. Была бы я в мультике – наверное, в глазах бы сердца появились, а вокруг головы – обруч из искорок. Это же он? Андрей? Да, он. И мы сидим рядом... И... что? Общаемся? Просто так? Я автоматически взяла второй бутерброд из пакета и протянула ему. А он взял. Откусил и сказал:

– Меня Андрей зовут.

Я чуть бутербродом не подавилась. А то я не знаю, как его зовут. В школьных классных журналах есть отличная страничка – личные данные. Так что не только имя, я все про него знала: адрес, домашний телефон, имена родителей, день рождения... Андреем его зовут...

– А меня Катя.

– Ты говорила.

Теперь можно было подавиться еще раз. Все-таки я тормоз. Пора закрывать рот, а то следующей моей фразой будет что-то вроде «Погода на улице чудесная».

Но следующая фраза не пригодилась. Подошли какие-то девицы, наверное, из его группы, и он ушел. Кивнув на прощанье:

– Спасибо, дядя Федор.

Вот и познакомились... Из библиотеки я шла на подгибающихся ногах и с расфокусированным зрением. Все-таки во мне куда больше от романтической дуры, чем я могла предположить.

Он

На здание дома мод «Мечта», где находился офис отца, я смотрел из-за угла. Ждал Водовозова. Можно было, конечно, никогда в жизни не простить ему, что он сбежал тогда во дворе. Но мой отец всегда говорил, что ждать от человека нужно не подвига, а только тех поступков, которые ему по плечу. В этом я был с ним согласен. Хотя той ночью думал совсем иначе. Искрутившись на диване от боли, я Витьку проклинал. И его, и этих с ножом, и даже куклу Катю, хотя она была ни в чем не виновата.

На следующий день я снял все деньги, что перечислила мама, и отдал в счет долга. Дождаться, когда меня зарежут, очень не хотелось. Спасибо этим добрым людям с холодным оружием, сделали мне прививку от азартных игр.

Наконец Водовозов вышел, закурил и выложил:

– Все, я свободен. Кстати, подслушал разговор твоих предков.

– И?

– Ну, матушка как обычно: сопли, слезы. А Павел сказал, что узнавал в деканате и ты правда учишься. Довольно посредственно, но паниковать рано.

– И?

Витек никогда не договаривал все сразу. Постоянно тянул и набивал себе цену.

– И все. Тебе мало?

Ответа на этот вопрос я не знал. Может быть, и мало, а может, даже это – лишняя информация. Родители мной интересуются, то ли не бросают, то ли не оставляют в покое. Даже с этим не было никакой определенности.

Витька мотнул головой в сторону дома мод.

– А вот мой папаша спит и видит – загнать меня в офис подрабатывать. Но нет, я в эту контору – только генеральным директором.

– Поехали, – сказал я Водовозу. – Генеральный из тебя...

Куклу Катю я встретил снова в библиотеке. Прошло уже достаточно времени, чтобы я перестал на нее злиться и даже подумал, что она молодец. К тому же у нас действительно равный счет. Перед сессией свободных мест в читальном зале было мало, и я сел рядом с Катей. Какая разница, где сидеть. Она не поздоровалась. Наверное, обиделась, что я тогда ее прогнал. Ну пусть. Я сюда пришел оценки исправлять, а не с девчонками общаться. А потом она достала хлеб с колбасой. Да, это ужасно глупо звучит и еще глупее выглядит, когда ты видишь колбасу и тут же начинаешь разговаривать. Ноу меня было оправдание. Я отдал все деньги, и все, что дома можно было посчитать съедобным, давно уже кончилось. Вечером я напрашивался к кому-нибудь в гости. То к Водовозу, то к девчонкам из общаги, на лекциях тоже можно было чем-нибудь у кого-нибудь разжиться. А именно в тот момент я был страшно голодный, и от запаха этой колбасы у меня даже голова закружилась. Поэтому про еду над учебником вырвалось само собой. И, конечно, я не рассчитывал, что Катя вдруг поделится. А она это сделала совершенно свободно. Как будто специально захватила лишний бутерброд. Потом появились одноклассницы, и я ушел с ними в общагу. Подумав, что напрасно обзывал Катю про себя. Нормальная девчонка.

В понедельник эта нормальная девчонка сидела в тот же час на том же месте. С тем же пакетом. И во вторник тоже. И говорил и-то мы друг другу только «привет» и «пока». А в промежутке она меня угощала этой своей колбасой. Хорошо, что Водовозов пока в библиотеку не приходил и этого цирка не видел.

На третий день Катя вдруг поинтересовалась:

– Ты куда сейчас пойдешь?

– Домой.

Она глубоко вдохнула, уставилась на меня огромными светло-кариыми глазами и выпалила:

– На улице темно, страшно. Ты не мог бы меня... проводить?

– Мне показалось, ты довольно уверенно передвигаешься по темным дворам.

– Ну, не можешь – не надо.

Поднялась и рванула к выходу, пришлось ловить за локоть:

– Стоять! Чего ты такая быстрая? Я еще «нет» не сказал.

– Ну... говори.

– Не скажу. В конце концов, если ты не доберешься домой, завтра не появишься тут с колбасой.

– Это точно, – кивнула Катя.

– Так что идем.

Следующий час я шел непонятно куда с первокурсницей Катей, которая тащила рядом молча, только иногда трагически вздыхая. В итоге мы оказались в районе моей бывшей школы.

– Мой дом, – Катя показала на серую кирпичную пятиэтажку.

– Увидимся завтра в читалке? – по возможности вежливо спросил я.

– В обычное время, – пожала она плечами и пошла к подъезду.

Дожил, обедаю первокурсниц.

Я все-таки дошел до ограды школы и сел около нее на корточки. Прислонился спиной к холодному железу. Школа была другой жизнью. Можно сказать, другим миром. Безопасным. Вот, например, за моей спиной футбольное поле. Я там каждый сантиметр знаю. Сколько времени мы там за мячом пробегали... Сейчас мяч я и в руки не возьму – трясоти начинается. Да и взял бы... С кем гонять? С Водовозовым, что ли? В универе опрашивали, кто каким спортом занимался, кого в какую университетскую команду можно пристроить. Но не на первом курсе, а уже на втором. И я соврал, что ничем не занимался. В хоре пел, отвяжитесь... Не думаю, что мне поверили. Но, как говорит Водовоз, в репутации буйного сумасшедшего есть много плюсов...

Я встал, повернулся и взялся за прутья решетки. На футбольном поле будто замелькали фигурки... две команды. Я крепко зажмурился и помотал головой. Нет. Не буду ничего представлять. Подумаю лучше о другом... Например, об этой... гуманитарной миссии по раздаче колбасы голодающим. Раз она живет рядом с моей школой, могла и учиться в ней. Правда, я ее не помню. Ну да если даже так и было, она младше на два класса. Кто в школе смотрит на малявок...

Она и сейчас малявка. Хотя и симпатичная. И вообще у нас с ней завтра свидание. Я хмыкнул, оторвался наконец от ограды и пошел обратно домой. В этот район от универа куда проще было доехать на автобусе или маршрутке. Зачем она тащила меня пешком? Загадочная личность.

На следующий день на «продуктовое свидание» я не попал, а если быть честным, я о нем и не вспомнил. Водовозу наконец удалось выжать из своей Ирки очередную встречу, но двое на двое, и он поволок меня с собой как друга. В итоге в то время, когда Катя начинала шуршать вкусно пахнущим пакетом, мы сидели у Водовоза. И я знал, о чем тот мечтает. Чтобы мыс Иркиной подругой сейчас культурно растворились в пространстве и оставили их одних. Но пусть не ждет от человека подвига. К тому же все-таки надо было ему отомстить. Поэтому я никуда не уходил. И пусть скажет спасибо, что к Ирке его не приставал. Вообще, было забавно наблюдать, как у Водовоза не получается с женским полом. А у него не получалось никогда. Потому что он был заикленным на себе занудой. И о чем говорить с девчонками – не знал. Это Данька знал. Может быть, лучше было бы наоборот. Потому что в ту ночь Водовоз спокойно спал в городе или даже не спал, а психовал, что не поехал с нами... Что ж, очень часто человек злится именно на то, что потом оказывается для него высшим благом. Я подумал, что ровным

счетом ничего у него не получится. Ни сейчас с Ирккой, ни с постом генерального директора в доме мод, которым владеют наши с ним отцы. Потому что он – амеба. А я – идиот, который дружит теперь с амебой. Потому что, приключись что, мне такого друга не страшно потерять...

Она

Я думала, что Андрей откажется проводить меня. Я бы не удивилась и не расстроилась. Колбаса – не повод для знакомства. Вообще не знаю, что меня за язык дернуло. Но он согласился. И этим сбил меня столку. Если бы я запланировала все заранее, то, конечно, продумала бы темы для разговора и все бы прошло совершенно иначе. Но я ничего не планировала. Максимум, на что меня хватило, – это сообразить, что на автобусе мы окажемся у моего дома слишком быстро. Поэтому я отправилась пешком. И он пошел рядом. Получился безмолвный поход. Я несколько раз собиралась начать беседу, но так и не решилась. Мало ли какой отреагирует. Так хоть проводит до дома и не сбежит раньше времени.

Естественно, когда он фактически назначил мне свидание в читалке на следующий день, я обрадовалась. И твердо решила больше так глупо себя не вести. Пора общаться нормально, а не ограничиваться парой фраз и совместным жеванием. Мне вдруг показалось, что этого мало. И можно двигаться дальше.

Он не пришел. Ни на следующий день, ни потом. Сначала я подумала, что с ним могло что-то случиться. Например, гриппом заболел. У нас уже треть группы слегла. Но не успела так подумать, как увидела Андрея у расписания. Он стоял в обнимку с темноволосой девицей. Меня как холодным душем обдало – как я не догадалась, что у него есть девушка. Конечно, иначе и быть не могло. Если парень с такой внешностью в его возрасте без девушки, он либо гей, либо дурак... Так что, конечно, он не один. А что в читалке со мной общался, так, может, эта его любимая с температурой свалилась и ему делать было нечего. Но и в этой мысли я не успела утвердиться. Так как теперь только и делала, что оглядывалась по сторонам, а кто ищет – тот всегда найдет. В следующий раз он обнимался с какой-то блондинкой на остановке. С этой они уж как-то очень откровенно себя вели для общественного места. Его ладони постоянно соскальзывали с ее талии ниже, и ее это устраивало.

Когда еще позже я увидела его с третьей девицей, они шли куда-то в сторону двора, где ему в прошлый раз порезали руку. Наверное, там он и жил. Я пошла за ними. Мне даже смешно стало... Парень моей мечты – пьет водку из горла и спит со всем, что шевелится. Ну не конспекты же писать он ее повел...

Пройдя за ними, я узнала дом и подъезд.

А на следующий день он натолкнулся на меня в читалке, поздоровался и прошел мимо. Как будто ничего между нами не было: ни порезанной руки, ни колбасы, ни молчаливой прогулки.

И вот тогда я разозлилась. И снова – не на него, а на себя. Потому что, когда он сказал «привет», у меня сердце в пятки ушло. Так же, как два года подряд уходило при случайных встречах в школе. Я для него пустое место, а он для меня – центр вселенной. Это было абсолютно неправильно. Тем более что он настолько изменился. И все эти изменения мне не нравились. Получается, долгое время я любила вымысел, образ, фотку того, кем он был когда-то прежде? Тогда почему меня так колотит вот от этого нового и совсем не такого, как раньше, Андрея? Ничем я этого не могла объяснить. Кроме, пожалуй, гормонов. Он приближается – и тело выдает реакцию. А если вдуматься, такие парни мне как раз и не нравятся. Красивые, самоуверенные и относящиеся к девушкам как к средству удовлетворения своих потребностей.

Фотографию я выкинула. Давно надо было это сделать. После моря, например. На море у меня вполне получилось вытравить из себя Андрея Громова.

Отправив фотографию в мусорное ведро, я забралась на подоконник, прижалась лбом к холодному стеклу, долго смотрела на медленно падающие снежинки и вспоминала. До этого лета я все-таки была абсолютным ребенком. Наивная вся, почти блаженная. Только такая и могла любить парня целых два года, ни разу его за это время не увидев. Стихи ему сочи-

нять пыталась... Пока не поняла, насколько бездарна в выражении своих страданий рифмами. Хорошо хоть я все это осознала и смогла принять решение – срочно измениться. Когда, если не летом, когда школа уже позади, а университет – впереди? Не вступать же в студенческую жизнь с детсадовским сознанием. Еще и смена обстановки помогла. Солнце, море, романтика. Когда местный парень начал оказывать мне знаки внимания, я решила плюнуть на все и пойти до конца. Тем более что он был красивый, веселый и какой-то легкий. И отношения с ним вышли легкие, без всяких мучений и слез в подушку, как в случае с Андреем. К тому же Максим был реальный, живой, его можно было обнимать, целовать, а не только грустно смотреть со стороны. И, между прочим, об Андрее я за время этого отдыха даже не вспомнила. Закружило. Потом вернулась в Москву и по Максиму не скучала, хотя с ним было очень хорошо. А так ли необходима человеку любовь? Без нее все было просто замечательно.

Но не искать же мне сейчас парня, чтобы отвлечься от Громова снова.

Потом я решила, что сама виновата, слишком много о нем думаю. И чем больше хочу забыть, тем больше увязую. Надо не с ним бороться, а сосредоточиться на посторонних вещах. Например, сообразить, кого звать на свой день рождения. Он уже на носу, а я так и не выяснила у мамы, на какую сумму могу рассчитывать, не решила, в какое кафе пойдем... Мне же некогда, я кормлю колбасой одного типа, которому на меня наплевать...

Чем ближе был мой день рождения, тем тоскливее становилось. Восемнадцать я всегда считала каким-то порогом. К восемнадцати что-то хорошее должно было со мной произойти. А происходило только то, что я сама заработала, – поступление в университет, например, или летний роман с Максимом. То, что сама решила и сделала. И никаких чудес, никакого подарка просто так. Сплошные плоды собственных усилий. А ведь еще пара лет, и в чудо я уже даже не поверю. А потом? Закончу университет, найду работу, кого-нибудь подходящего в мужья, рожу ребенка и... Там чудесам и вовсе не место.

Накануне дня рождения мне приснился идиотский сон. Как будто я встречаюсь с Андреем. И мы целуемся, целуемся, целуемся...

Чудо во сне – вот и все, на что ты можешь рассчитывать, Катенька.

Проснувшись, я метнула подушку в будильник и поклялась, что верить – не перестану. Как говорят в рекламе: вы этого достойны...

Он

Восьмого декабря рано утром мне позвонила квартирная хозяйка и просветила, что зайвится вечером и проверит, не превратил ли я квартиру в притон. Можно подумать, она знала, как на самом деле выглядят притоны. Тем не менее после лекций я пошел домой – распахивать барахло по углам. Иначе хозяйка могла выселить меня, а искать новую квартиру не хотелось, я уже привык к этой.

Прибравшись, как мог, я сел за ноут и принялся ждать. Если бы эта тетка явилась пораньше, я бы еще успел куда-нибудь вечером смотаться. Но она все не шла и не шла, и я начал злиться. Так она иногда поступала: скажет, что появится, и не придет. Наверное, держала в напряжении, чтобы я чаще наводил чистоту.

Стемнело, а я все сидел и ждал. Хотя можно было уже и понять: сегодня не официальный визит, а очередная акция запугивания. Только я так подумал, как в дверь позвонили. Надо же, все-таки притащилась. Ну и отлично, зато ближайшие недели ее здесь не будет. Я распахнул дверь во всю ширину: нам нечего скрывать и некого бояться!

На пороге стояла... Катя. Прилети сейчас сюда НЛЮ, я бы удивился меньше.

– Привет! – сказала она. – А у меня сегодня день рождения.

Ну да, запах алкоголя я уже почувствовал.

– Поздравляю, – ответил я и попытался закрыть дверь, потому что делать тут Кате было нечего.

Но она пресекла это действие. Качнулась вперед, толкнула меня плечом и вошла. В прихожей сразу начала снимать сапоги, и получалось у нее не очень. Расстегнула один – пошатнулась, чуть не шлепнувшись на пол, расстегнула второй... Потом сделала пару шагов в уже расстегнутой обуви и только тогда догадалась ее снять. На полу остались грязные следы. Теперь только квартирной хозяйки и не хватало – тут тебе и грязь, и нетрезвая девчонка. Все, что так нравится арендодателям.

Катя прошла в комнату, и мне ничего не оставалось, как закрыть дверь и последовать за ней.

– Ты здесь спишь? – она показала пальцем на диван. Я промолчал.

Она обвела комнату взглядом.

– Ну да, больше негде. А постель у тебя где? Простыня, подушка?

– Ты что, спать сюда притащилась? – психанул я.

В конце концов, что происходит? Девочка перепила и ее домой не пускают? Так есть хочется, что переночевать негде? Откуда она вообще мой адрес узнала?

Катя не обратила на мои слова никакого внимания, еще раз осмотрелась, подошла к шкафу и открыла створки. Потом вытащила оттуда единственную имевшуюся в наличии простыню. Она лежала там с лета, проглаженная еще моей мамой, и я ею не пользовался. Смысл стелить простыни, если во сне крутишься так, что они забиваются под подушку.

И вот эта настырная кукла Катя вытащила эту простыню и молча накрыла ею мой диван.

– Ты очумела? – задал я вполне логичный вопрос. – Здесь сплю я. Я, а не ты.

Катя посмотрела на меня и, как будто ничего и не слышала, дернула молнию своего пуховика, скинула его прямо на пол, оставшись в тонком, почти прозрачном платье, и сказала:

– Да, здесь спишь ты. Но почему бы сегодня и не со мной? Тебе же все равно с кем. У меня день рождения, сделай мне подарок.

– Подарок? – возмутился я. – Поищи себе другого идиота для подарка. Дверь – там.

Еще чего не хватало. Если бы я знал, зачем она приперлась, даже не открыл бы.

– Иди отсюда. Эти мне малолетки... Первый раз в первый класс...

Она вдруг шагнула ко мне, прижалась всем телом и схватилась за шею.

– Я совершеннолетняя, и ты у меня не первый. Или ты боишься?

Потом провела пальцами по моей щеке. Пальцы были прохладные и немного подрагивали. И пахло от нее какими-то чуть ощутимыми духами и вином.

Я закрыл глаза. Что делать-то? Не буду двигаться, не буду отвечать. Она передумает и уйдет. Где она набралась этой дикости – прийти и лезть в кровать к человеку, которого видела несколько раз в жизни? Это могли бы сделать другие девчонки, но не эта же... Катя сняла мои очки, погладила меня по волосам и опять по лицу. Заставила наклониться, и я почувствовал, как теплые губы целуют шею в вырезе футболки, и щеки, и глаза, и лоб. Это тоже было странно, необычно, непривычно... Затем ее ладонь скользнула под мою футболку, а потом она потянула ее вверх. Я дернулся.

– Нет!

Футболку я не снимал ни с кем и никогда.

– Хорошо, – шепнула она прямо в ухо. – У меня там... на спине... молния.

Черт, да что же это такое... Отступить она точно не собиралась... Да и хотел ли я теперь, чтобы она отступила? Я дернул замочек вниз, и платье легко упало на пол. А она все целовала меня и целовала...

...Шевелиться не было ни сил, ни желания. Пожалуй, теперь я даже не смог бы сказать, какой сейчас день и какой час. Время остановилось. Катя лежала рядом и молча перебирала мои волосы. Теперь пальцы у нее были не прохладные, а теплые, я сначала ощущал их движение отчетливо, потом все слабее и слабее...

Очнулся, когда за окном было уже очень светло. Я что, спал всю ночь? Сел, огляделся. На полу возле дивана что-то блеснуло. Наклонился, поднял. На ладони лежала прозрачная капелька с молнии – держатель от собачки. Катя! Это что, было на самом деле?

Она

Рыдать в ванной – очень разумно. Даже можно сказать, прагматично. И слезы сразу смываются, и родителям тебя не слышно. Впрочем, когда я вернулась, они уже спали. Свет в коридоре горел, и дверь в их комнату была открыта. Приличные современные родители – отпустили, но волнуются, спят тревожно, ждут. Дверь хлопнула – можно расслабиться и спать спокойно.

Я налила горячей воды, села и наконец заревела. Всю дорогу сдерживалась, еле дотерпела до дома. Вот тебе и подарочек на день рождения, Катя. Не чудо, нет, опять все своими руками. Как только в голову пришло...

Хотя как пришло – я как раз отлично помнила. Сидели с девчонками в кафе, пили коктейли, пьянею я быстро, чтобы не сказать мгновенно. И мне так паршиво вдруг стало... Полумрак там был, музыка, огоньки по стенам, пары танцуют. И мое «ничего мне к восемнадцати не удалось» вдруг комом в горле застряло. В день рождения надо веселиться, а я чуть не плакала. И не пила за себя, любимую, а как будто с горя напивалась. Глупости, конечно, но вдруг подумала: надо было Андрея сюда позвать. Не пришел бы? Но попытаться было можно. Может, ему теперь все равно, с кем пить. И с кем спать... Это было следующей мыслью. Я вспомнила тех трех девиц... А ведь они его даже не любят. Я была в этом уверена на сто процентов. Не любят, но... А ты, Катенька, вздыхай и дальше. Можешь даже дотронуться, если выпадет случай снова дать бутерброд. Можешь еще кинуться под машину на его глазах, есть надежда, что он ухватит тебя за воротник. Очень романтично. И противно. И несправедливо.

Когда все вокруг уже покачивалось, я, злая и расстроенная, представляла, что это не какие-то незнакомые люди тут танцуют, а мы с ним. Потом злилась еще больше – да что же за проклятие, чего ж плохо так мне. И наконец решила: потому и плохо, что он – мой вымысел, сказка и девичья мечта. А вот окажись я с ним... Скорее всего, я разочаруюсь. Даже наверняка. Что в нем такого замечательного? Ничего. Нет и быть не может.

С дня рождения меня должны были подвезти – парень моей подружки. Но я от этого отказалась и ушла пораньше. Поехала к Андрею. По дороге рассчитывая протрезветь и передумать. Меня как будто разделило на две Кати. Одна думала: а что тут такого, вот поеду к нему и сделаю все, что мне хочется. Разочаруюсь и забуду. Эта Катя даже сунулась в аптеку и купила маленькую квадратную коробочку. С двумя изделиями внутри. Рожать от него я не собиралась. Да и с его жизнью мало ли что, лечись потом... А вторая Катя была в шоке от первой, постоянно хотела убежать и вернуться к своей обычной жизни в розовых мечтах. Будь я потрезвей, победила бы вторая. Но теперь думать об этом было слишком поздно...

Добралась до его дома я очень быстро. Вошла в подъезд и решила звонить во все квартиры, пока он не откроет сам. Вторая Катя во мне в это время надеялась, что он живет не один. Хотя трудно было представить, чтобы его мама вдруг поселилась в этой пятиэтажке и допустила то состояние, в котором он сейчас был.

В общем, второй Кате не повезло. Он жил на первом этаже, совершенно один... И первая Катя была пьяна. А трезветь, быстро и страшно, начала, когда уже разулась у него в квартире и прошла в комнату. Теперь оставалось сказать: может, чаю попьем?

Но если бы я не решила сегодня, не решила бы больше никогда. Кажется, он посчитал меня сумасшедшей. Или еще хуже – что мне тоже все равно с кем. Поэтому я сейчас и рыдала, сидя в воде. Если у нас что-то и могло когда-то получиться, то не теперь, после всего. А что будет теперь – вообще неизвестно. Как мне ему в глаза смотреть? А если он в университете все разболтает? Раньше бы он такого не сделал, но мало ли что было раньше...

Выглядело это, наверное, ужасно. Ничуть не романтично, а даже цинично. Я его за шею обнимала, а рука была сжата в кулак, в кулаке – то самое изделие, что не позволяет размно-

жаться таким дурам, как я. И таким придуркам, как он... И тряслась я от страха, а не от возбуждения... По крайней мере сначала...

Потом голова у меня все-таки отключилась. Как и положено. Я так долго могла о нем только мечтать, а теперь могу все. Он весь – мой. Пусть ненадолго, пусть даже в выключатель ткнул перед тем, как... То ли видеть меня не хотел, то ли что... Пусть даже раздеваться полностью не стал, как это делают с совсем незначимыми девушками... Это уже было неважно.

Но теперь... Что мне делать теперь? Как завтра идти в университет? Конечно, вполне вероятно, мы и не столкнемся там. День не столкнемся, два. Потом все равно увидимся. Наверное, я сквозь землю провалюсь...

Только успокаивалась, как слезы подступали снова. Так вот ты какая, взрослая совершеннолетняя жизнь...

Уснула я под утро, не понимая, добилась ли я того, чего хотела, – разочарования в Андрее...

В пятницу я передвигалась по университету короткими перебежками, но, к счастью, с Андреем не столкнулась. А за выходные успокоилась. С чего вообще устраивать трагедию? Парни не заморачиваются на эту тему – захотел девушку, переспал с ней. Почему мы вечно страдаем и с ума сходим? Будем считать, что это был акт равноправия. Я его хотела и получила. Мне было хорошо, а что думает он – его личные проблемы. Разболтает? Только лишний раз докажет, что не порядочный человек. И это тоже его проблемы.

Я себя отлично убедила и ко всему подготовила.

Так что, когда увидела его в понедельник расписания, прошла мимо. Ничего между нами не произошло. Ни-че-го.

На следующий день я выходила из университета, когда меня кто-то удержал за локоть. Я обернулась. Андрей стоял за моей спиной, в одной руке крутил какой-то мячик, не теннисный, а чуть меньше, а вторую тут же отдернул.

– Привет.

– Привет.

На этом наша содержательная беседа завершилась. Потому что меня позвала подружка, а он все стоял молча и крутил свой мячик. А я вдруг поняла, что, кажется, начинаю приходить в норму. Он ко мне обратился, а я не затрепетала и не впала в ступор. Пожалуй, не зря я пошла к нему тем вечером. Может, получится уже жить дальше? Подумать о чем-то или о ком-то другом. Например, о Стасе из нашей группы. Хороший парень, с сентября на меня смотрит, погулять звал, но я не собралась. А надо, наверное.

– Кать, – Наташка обернулась, – а чего этот псих тебя за рукава хватает?

– Какой? – не поняла я.

– Ну этот, со второго курса.

– Он с третьего...

– Да нет, второй курс, управление. Уж поверь.

Я сосредоточилась. Наташка жила в общежитии и могла знать многое, чего не знала я.

– Псих, говоришь?

– Полный. Если тебе вдруг в голову взбрело с ним связаться, забудь эту идею сразу. Девчонки говорили, что он в академ на год уходил, потому что в психушке лежал.

– Даже так...

– Я подробностей не знаю, просто не связывайся, ага?

– И не собиралась, – сказала я, – он просто спросил, сколько времени.

– Да? А у самого ни часов, ни телефона? Говорю же, ку-ку.

Я кивнула, и мы пошли к Наташке пить чай.

Кажется, все вокруг указывало мне именно на то, что связываться с Андреем больше не надо.

Он

В пятницу в универ я не пошел. Во-первых, проспал, а во-вторых, это «проспал» было для меня так непривычно, что я просто не решился выходить из дома. Вдруг, если я останусь, мне удастся снова заснуть? И еще я постоянно думал о Кате. Что-то такое произошло... Она была не такая, как все девушки, которые были у меня до нее. И я сначала не мог понять и сформулировать, что же не так. Почему с ней все вышло как-то иначе, и вообще – почему я об этом думаю после ее ухода. Потом мысль стала оформляться. Катя смотрела на меня не так, как другие. И вела себя так, как будто я что-то для нее значу. Даже круче: как будто она сто лет хотела именно меня. Бред, конечно. Хотя... бывает же любовь с первого взгляда. Некоторые умудряются так вляпаться. К концу выходных пазл у меня в голове сложился окончательно – безусловно, Катя эта в меня влюбилась. Поэтому и пришла за «подарком». Поэтому и гладила так и не ушла сразу, а усыпила. Вопрос только, когда на нее успело свалиться большое и светлое чувство – когда я ее из-под колес выхватил или когда во дворе послал куда подальше? Все эти вопросы можно было решить только одним способом – поговорить с Катей. Разговор этот я себе представлял слабо, но, в конце концов, мы теперь довольно хорошо знакомы, если можно так выразиться... Так что уж как-то поговорим.

А потом оказалось, что разговаривать со мной Катя не собирается. В понедельник прошла мимо меня, как мимо пустого места, а во вторник я попытался с ней заговорить, но она только поздоровалась и ушла.

Я вернулся домой, не понимая, что происходит. Почему она со мной не общается? Я сделал что-то не то? Обидел? Вечером пошел на встречу с мамой. На этот раз встреча даже не напрягала, потому что думал я не о родителях, не о себе и не о том, что когда-то произошло. Передо мной все мелькали Катины глаза. И я даже все положенные этапы не высидел. Увидели друг друга – и достаточно. Домой почти бежал. Почему-то мне пришло в голову, что так же неожиданно, как явилась в прошлый раз, Катя может возникнуть на моем пороге и снова. Разумеется, она не возникла. Ночью, когда уже и ждать не было смысла, я сидел и тупо смотрел на занавеску. Форточка была открыта, и занавеска колыхалась. Я смотрел и пытался понять, что же случилось и почему это меня так зацепило. Перебрав в памяти всех девчонок, я признал, что никто и никогда не заставил бы меня о них думать так, как я сейчас думал о Кате.

Даже те две, которые были в прошлой жизни... С которыми меня познакомил Данька...

Занавеска дернулась, и ее охватило оранжевым. То, что сейчас загорится все вокруг, я понял за секунду. Чтобы оказаться на улице, у меня ушло меньше минуты. Выскочив раздетым, поскользнувшись и чуть не рухнув на припорошенную снегом землю, я посмотрел на свое окно. Ничего там, разумеется, не горело. Я сел на скамейку у подъезда. Это не галлюцинации, это называлось по-другому, словом, которое я не запоминал, потому что не хотел его держать в голове. Возвращаться в квартиру было страшно. Жутко настолько, что, наверное, я даже предпочел бы замерзнуть на улице. Но я уже знал, что все это – фокусы мозга. Нужно взять себя в руки и вернуться. Просто не надо было вспоминать Даньку. А Катя? Да мало ли почему она в универе со мной не заговорила. Подружки постеснялась. Или ей вообще неловко, что пришла тогда. Она же не сказала мне прямым текстом: отвали. Значит, рано делать выводы. Подожду ее завтра и поговорю.

Назавтра я ждал Катю долго и все-таки дождался. Но она опять была с подругой. Поэтому я сначала направился за ними. Они дошли до ближайшего супермаркета, на крыльце которого распрощались, подруга продолжила путь по улице, а Катя проследовала в торговый зал. Я держался метрах в трех от нее, и она меня не видела. Она взяла какие-то йогурты, покрутила в руках большую шоколадку, но положила ее на место. Я прошел следом и захватил эту шоколадку. Правда, денег у меня с собой не было... Потом мне стало не по себе – вдруг Катя все-

таки не захочет разговаривать. Но эту мысль я отмел. Взял еще бутылку вина, слабого какого-то, как девчонки предпочитают, засунул под куртку, и шоколадку туда же. А в руки взял батончик «Сникерс». У кассы как раз рассчитывался какой-то пацан-подросток. За ним стояла Катя. Она смотрела в сторону, и я незаметно для нее кинул «Сникерс» пацану в капюшон. Потом схватил Катю за руку, дернул за собой в проход между кассой и окном и крикнул:

– А у вас малолетки шоколад тырят. Вон он в капюшон спрятал и еще... я видел!

Мужик-охранник метнулся к этому бедолаге, а я спокойно вытащил Катю к выходу.

– Ты сдурел? – выпалила она. – Я не заплатила.

– Ничего, не разорятся. Кстати, здравствуй.

– До свидания, – отрезала она и отправилась обратно на кассу – платить.

Зануда. Я думал, ее это развеселит. Но ничего не оставалось, как подождать.

– Что тебе надо? – спросила Катя, вернувшись и осознав, что я не ушел и не собираюсь.

– Поговорить.

– О чем?

– Ну, может, не здесь? Может, хоть на улицу выйдем?

Мы вышли на улицу. Перед супермаркетом была маленькая детская площадка. Я сел на край карусели и достал из-под куртки шоколадку:

– Держи. Ты такую хотела?

– Так это ты специально на кассе устроил? Я еще удивилась, зачем пацан себе в капюшон «Сникерс» положил.

– По-моему, это смешно.

– А по-моему, нет. У него теперь проблемы.

– За батончик? Я тебя умоляю. Погрозят пальцем и отпустят. Бери.

– Сам ешь.

– Я такое не ем.

– Тогда верни в магазин.

Я разозлился. А она тем временем посмотрела куда-то мимо.

– Ладно, я понимаю, о чем ты хотел поговорить. Так вот... Это был заскок. И вообще... Ты уже большой мальчик, сам знаешь, что постель – не повод для знакомства. По крайней мере, я повторения не хочу. Надеюсь, я удовлетворила твое любопытство?

Лучше бы она меня ударила. Я встал, бросил шоколадку в урну, достал бутылку и отправил туда же. Шагнул к Кате, взял за воротник пуховика, подтянул к себе и поцеловал. Не знаю зачем. Никогда раньше не целовался от злости. И она ответила, и губы у нее были такие... особенные, как в прошлый раз... Она стояла и держала между нами эти свои дурацкие йогурты, все четыре штуки, поэтому прижать ее к себе полностью я не смог. А потом она вдруг вывернулась, шагнула назад и улыбнулась.

– Серьезно, я не хочу продолжения.

И ушла. Я сел обратно на карусель. А хотелось побежать за ней. Но смысл делать это, когда тебе всё так четко дали понять?

Она

Да, то, что я прихожу в норму, было слишком поспешным выводом. После разговора у супермаркета я это поняла. Уходила почти бегом, чтобы не обернуться и чтобы Андрей меня не догнал. Заворачивая в арку, поскользнулась, грохнулась на свои же йогурты, один стаканчик раздавила так, что йогурт растекся по пуховику. Тогда и заревела. Это уже вошло в моду – реветь из-за Громова. Сидела на снегу и слезы размазывала. Но зачем он так со мной?

Ведь ясно же было, почему он подошел. То есть сначала, в супермаркете, я чуть дар речи не потеряла: он хочет о чем-то поговорить. Ну как отказать-то? Пусть я и решила с ним не связываться. Но потом... Когда он расстегнул куртку и достал шоколад, там еще горлышко бутылки мелькнуло. Стандартный набор: вино, шоколадка, айда в постель. Мне стало очень обидно. Хотя сама виновата, показалась удобным объектом. Ну а что – водку купила, бутербродами делилась, даже презервативы с собой принесла. И ушла незаметно. Мечта любого парня... Он же не знал, что у меня на все это есть причина. Что я его люблю...

От этого было еще противнее. Он меня не любит, но ему удобно. Очень по-мужски. Поэтому я не дала ему заговорить. Не чувствовала в себе уверенности, что откажусь, даже расстроенная и злая...

А он полез целоваться. Боже мой, ну целуется-то он зачем так, что сразу ни рук, ни ног не ощущаешь? Но у меня хватило духа уйти. Да, я дура, но воспринимать меня как девочку по вызову я ему не дам. Пусть ищет других, благо желающих в достатке...

Счищая дома йогурт с пуховика, вспоминала ту ночь. Точнее, вечер. Андрей уснул, а я на него смотрела. Нелогично это было – выпила я, а отрубился он. Но во сне он выглядел как раньше, в школе. Наверное, из-за того что расслабился. Днем же постоянно был какой-то напряженный. И ушла я быстро, потому что понимала, что полежу еще, посмотрю и разочароваться как-то не получится. А я же за этим явилась. Запретный плод, как известно, сладок, а достанешь – и чаще всего понимаешь, что тянуться не стоило. На это я рассчитывала, а не на то, что он и дальше мне мерещиться будет. И снится. Только теперь уже я могу не фантазировать, а вполне конкретно вспоминать.

На следующий день я решила выбивать из себя Громова другим путем. Клин клином. И попросила Стаса себя проводить. Тот очень обрадовался. Совсем другое дело: я человеку не по барабану, у него чувства. А не так... Вот тебе шоколадка, и... Черт, все равно все мысли сворачивали не в ту сторону.

Мы пошли со Стасом, как в тот раз с Андреем, пешком. Разговаривали о зачетах и о преподах. В общем, это было даже не свидание. Стас мне показался скучным. Но опять же, одна прогулка – не показатель. Андрей в прошлый раз вообще всю дорогу промолчал.

Ближе к дому я задумалась: а зачем было ту шоколадку красть? Не проще было купить? Ну да, у него могло не быть денег. И в прошлый раз на водку – тоже. Но я же помню, что у него и семья непростая. Отец – бизнесмен. А мама приходила в школу, когда шли футбольные матчи, я ее видела, потому что тоже ходила на стадион. Она приезжала на собственной дорогой машине. И одета была не в ширпотреб. У мальчиков из таких семей деньги есть всегда. Уж на шоколадку – точно. Тут мне в голову пришла мысль, что, если парень из обеспеченной семьи, а денег нет, возможно, он употребляет наркотики. Я и доказательства сразу нашла: худой, нервный, голодный... Может, у него и следы на венах, я же у него дома не приглядывалась, а при дневном свете его руки всегда закрыты одеждой. Вот только этого и не хватало...

– Кать, ты о чем думаешь? – спросил Стас.

– О зачете, завтра уже.

У дома он попытался меня поцеловать, но я увернулась. Типа на первом свидании не целуюсь.

На подготовке к зачету удалось сосредоточиться, только собрав всю силу воли.

Сдала отлично. В универе искала глазами Андрея. Как бы убедиться, что все в порядке, он понял, что я его послала, и не переживает. Не хотелось, чтобы переживал. А может, наоборот, хотелось. Если бы он переживал, это могло значить, что я ему тоже понравилась. В общем, я запуталась и не знала, чего желаю. Но и не увидела его.

В выходной Стас позвал меня в кафе. И я пошла – ему дать шанс доказать, что он не скучный, а себе – переключиться.

Свидание мне не понравилось, хотя к Стасу нельзя было предъявить никаких претензий. И говорил не об учебе, и коктейль вкусный мне заказал, и танцевал неплохо. А все равно было что-то не то. Вяло как-то, не вызывало особенных эмоций. Мне же накал страстей подавай – так, чтобы в обморок сразу. Но, кажется, Стас отправить меня даже в полуобморок был не в состоянии. Напоследок я провела последнюю проверку – позволила ему поцелуй. И тоже ничего особенного. И не противно, но – никак. Даже с Максимом было намного приятней. Я на себя разозлилась. Главное, чтобы вот это состояние не затянулось у меня на всю жизнь. Такое я в книжках читала – как некоторые больные на всю голову тетки любят всю жизнь одного человека, при этом выходят замуж за другого, рожают детей и все такое. Оставалось надеяться, что это не мой вариант.

На третье свидание я не пошла. Зачем вводить человека в заблуждение? Лучше пока разобраться с собой. Для этого я решила все-таки осторожно разузнавать про Андрея. Допустим, через Наташку, та уж точно соберет в общаге информацию. Может, он правда наркоман. Тогда моя нездоровая любовь сразу пропадет.

Но увидела Андрея я раньше, чем Наташка что-то узнала. Ее эта затея вообще не порадовала. Она считала, что правильнее всего – не интересоваться и не приближаться. Парней вокруг мало, что ли? А рассказать ей всю историю я не решилась.

В пятницу, двадцать третьего декабря, я вышла после зачета одна, потому что мне выставили оценку первой. На улице было пасмурно, падал снежок. Я вышла и принялась копаться в сумке, искать перчатки. Думала, что они в кармане, но там их не оказалось. Значит, точно засунула в сумку.

– Привет.

Я подняла голову и увидела Андрея. Ответить не успела, он протянул мне руку, и на раскрытой ладони я увидела хвостик от молнии моего же собственного платья.

– Ты забыла, – сказал он.

Потом взял мою руку, вложил туда эту блестяшку, зажал в кулак, чтобы не выронила, отвернулся и пошел. Мне стало дурно. Не знаю почему. Наверное, потому, что выглядел он еще хуже, чем раньше. Бледный, глаза дикие... Мне стало страшно. Не то за него, не то за себя. И я крикнула:

– Андрей, подожди!

Но он не обернулся.

Я выкинула эту ерунду от платья. Зачем он ее вообще принес... И пошла за ним. Но он сел в какую-то машину и уехал. Наверное, это было к лучшему. Догони я его, что бы сказала? Спросила, как дела? Очень логично после прежней встречи...

Нет, нам все-таки нужно поговорить еще раз. Только я совсем не знала о чем.

Он

Я проторчал у двери в офис больше часа. Не мог войти. Все собирался и решался... Это нужно было сделать. Наверное, со стороны то, что меня послала какая-то кукла Катя и я вдруг так расклеился, смотрелось смешно. Я и сам себе не мог объяснить, что произошло. Просто как будто я жил-жил, даже уже привык жить определенным образом, приспособился. И вдруг явилась Катя и все сломала. Ничего больше не хотелось, кроме того, чтобы она вернулась. И чтобы услышать, что ее ошибкой был не приход ко мне, а то, что она сказала около карусели. Конечно, она не вернулась. Ночью после этого нашего разговора я вообще не спал. Все думал: а зачем я живу. Ну ясно же, что ничего хорошего мне не светит. Грубо говоря, я с собой не справляюсь. Как только что-то решаю, меня несет в противоположную сторону. Чем это закончится – даже моих мозгов хватает, чтобы понять. Я вылечу из универа, сопьюсь и сдохну. Или вылечу из универа, и родители бросятся меня спасать, закатают в дурдом, считая, что это поможет. Потом меня выпишут, я очухаюсь от препаратов, разозлюсь, уйду от них... сопьюсь и сдохну. Я честно пытался пойти другим путем – дошел вон... до читалки и до Кати. Просто этот путь не для меня.

Для меня – совсем другое, пора это признать.

Я прошел мимо стойки ресепшен и отправился в кабинет отца. Вот уж не думал, что вообще когда-нибудь войду в это здание, да еще для того, чтобы обратиться к собственному папе. После всего, что было...

Отец сидел за своим столом, читал какие-то документы. В общем, как обычно. Я его без бумаг в руках практически не видел. Как ни странно, это даже слегка успокоило. Жизнь продолжается в любом случае.

– Привет, – сказал я. – Мне нужна твоя помощь.

– Хорошо, что ты это понял, – кивнул отец.

Похоже, он подумал о другой помощи.

– Я проиграл в карты. Много денег. Но уже почти все отдал. Надо отдать последнюю часть, понимаешь?

– Понимаю, – он встал, по привычке поднес ладонь к сердцу. Так он тоже делал обычно, когда волновался. Наверняка я его разочаровал в очередной раз. Он думал, что я вернусь домой, начну лечиться, осознав, что один жить не могу.

И я на самом деле понял: не могу. Только выход нашел другой.

– Сколько тебе нужно?

Я назвал сумму. И добавил, что никогда не буду больше играть в карты на деньги. Пусть не волнуется.

– У меня нет столько наличными. Давай я позвоню маме, ты поедешь и возьмешь.

Поехать домой? Я испугался. Это было слишком. Но потом подумал, что один раз можно и напрячься. Отец еще что-то говорил, мол, надо было давно прийти к нему и что он всегда поможет... Но это было уже неважно. Я просто посмотрел на него последний раз, попрощался и ушел.

Наверное, это было идиотизмом – возвращать долг перед тем, что я собрался сделать. Но мне казалось, что, если не отдам, все, кто знает о долге, решат, что я это сделал от трусости. Да, глупо, но меня задевало. Они тут ни при чем. И я хотел именно с ними развязаться.

Поэтому поехал домой. Тем более что отец уже позвонил маме и она меня ждала.

Я не был дома с лета. С того дня, когда убежал отсюда в чем был и потом три дня мотался по вокзалам. Даже когда мы созвонились с родителями и договорились, что они меня отпускают, я в квартиру не проходил. Мама сама собрала мои вещи. Тогда я боялся, что меня удержат. Сейчас уже прекрасно знал, что нет.

Деньги лежали на полочке в прихожей. Когда я поднимался в лифте, то думал, что будет легче. Может быть, я даже пройду в свою комнату. Просто так. Или на кухне посижу. Но больше двух шагов от порога сделать не смог. Как-то даже в глазах защипало. Не девчонка же я, еще не хватало сопли распустить.

Несколько фраз, которыми мы обменялись с мамой, и ее просьба: «Андрюша, не играй больше»... Это я мог ей гарантировать... И я оказался на улице.

Созвонившись с тем типом, с которым играл, поехал к нему. Вот и все. Я этому миру ничего не должен.

Денег мама, конечно, дала мне больше, чем я просил. Огромное ей за это спасибо. Осуществить свои планы трезвым я бы не смог. Да, мне было страшно. Страшно до дрожи в пальцах. Когда-то я уже хотел умереть и даже обдумывал способ. Только тогда у меня не было окончательного повода это осуществить, да, мне было хреново, но я всегда на что-то надеялся. Что вот еще немного, и что-то изменится. Что я найду способ жить так, чтобы не было больно.

Не получилось. Пора использовать запасной вариант.

Я купил бутылку водки и сел в каком-то грязном тесном дворике. Бутылка кого хочешь делает смелее. Выпью, дойду до метро и прыгну под поезд. Хороший способ – стопроцентная гарантия, что завтра уже не надо будет думать, а зачем на меня свалилась эта Катя и почему она меня бросила. Хоть думать «бросила» было глупо, ее у меня, по сути, и не было. Но ощущал я себя так, как будто меня бросил последний человек, которому было на меня не наплевать. К середине бутылки я признал, что умудрился совершить фантастически дурацкий поступок – влюбиться в эту Катю. Только потому, что она меня, видите ли, погладила. А от идиотов мир надо очищать, их и так многовато.

Я допил водку. Меня тошнило, и все вокруг плыло. Ну и чудесно, главное, чтобы не вывернуло по дороге. Алкоголь должен всасываться в кровь, иначе зачем его было употреблять. Я вышел из двора на людную улицу. До станции метро было не так уж и далеко, но, кажется, я не рассчитал своих сил. Надо было пить прямо у входа. Идти было как-то трудно, я споткнулся и упал. Ничего страшного, полежу и встану. Стало смешно. Да, я – это я. Только со мной такое могло случиться. Кажется, я еще пару раз поднимался, но ноги меня не держали. Да и хрен с ним, в конце концов, когда смогу, тогда и встану... И пойду...

Потом я увидел Катю. Как будто она роняет учебник и может попасть под машину. Протянул руку, чтобы удержать ее, и все пропало.

Она

О чем мы могли бы поговорить, я думала всю дорогу домой. А дома мне снова стало страшно. Как иногда бывает – причины нет, а не по себе. Тут причиной был, пожалуй, взгляд Андрея и этот бегунок от молнии, который он принес. Если бы он снова явился с шоколадкой, можно было бы понять: продолжает предлагать вторую встречу. Атак... Зачем он приходил? Почему ТАК посмотрел? Почему не выбросил эту никчемную железячку?

Я ходила по комнате кругами и никак не могла успокоиться. Потом решила: надо съездить к нему домой и все выяснить. И да, даже просто спросить, как дела.

Было еще не поздно, когда я пришла в его двор, но уже ничего не видно – декабрь, темнеет рано. Позвонила в дверь – ответа нет. Я решила, что он просто еще не вернулся оттуда, куда поехал сегодня на машине. Ну ничего, я могу и подождать. Села на подоконник в подъезде, достала телефон... Знала бы – закачала бы новых книжек. Вообще, мне повезло, что в подъезде Андрея сломан домофон. Заходи – не хочу. Стояла бы сейчас на улице, мерзла. А так – как специально для меня. И в день рождения было открыто... Я задумалась. Знак это или не знак? Вообще-то я не особо верю в знаки, совпадения и предчувствия. Но сегодня хотелось думать, что постоянно открытая дверь в подъезд – не просто так. Я просидела на подоконнике несколько часов, просмотрев огромное количество бессмысленных роликов с котами и собачками. Андрей не возвращался. Ну что ж, он не обязан каждый день ночевать дома. Приду завтра. А может, мы в универе увидимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.